

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке.

За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником.

Кругом тишина...

На площади ни души...

Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

- Так ты кусаться, окаянный? - слышит вдруг Очумелов.

- Ребята, не пущай ее!

Нынче не велено кусаться!

Держи!

А... а!

Слышен собачий визг.

Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака.

За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубахе и расстегнутой жилетке.

Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватает собаку за задние лапы.

Слышен вторично собачий визг и крик:

"Не пущай!"

Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

- Никак беспорядок, ваше благородие!.. - говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сбору.

Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец.

На полупьяном лице его как бы написано:

"Ужо я сорву с тебя, шельма!", да и самый палец имеет вид знамения победы.

В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина.

В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала - белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине.

В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

- По какому это случаю тут? - спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу.

- Почему тут?

Это ты зачем палец?..

Кто кричал!

- Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... - начинает Хрюкин, кашляя в кулак. - Насчет дров с Митрий Митричем, - и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец...

Вы меня извините, я человек, который работающий...

Работа у меня мелкая.

Пуцдай мне заплатят, потому - я этим пальцем, может, неделю не пошевелю...

Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть...

Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

- Гм!..

Хорошо... - говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями.

- Хорошо...

Чья собака?

Я этого так не оставлю.

Я покажу вам, как собак распускать!

Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!

Как оштрафую его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот!

Я ему покажу кузькину мать!..

Елдырин, - обращается надзиратель к городовому, - узнай, чья это собака, и составляй протокол!

А собаку истребить надо.

Не медля!

Она наверное бешеная...

Чья это собака, спрашиваю?

- Это, кажись, генерала Жигалова! - говорит кто-то из толпы.

- Генерала Жигалова?

Гм!..

Сними-ка, Елдырин, с меня пальто...

Ужас, как жарко!

Должно полагать, перед дождем...

Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? - обращается Очумелов к Хрюкину.

- Нешто она достанет до пальца?

Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила!

Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать.

Ты ведь... известный народ!

Знаю вас, чертей!

- Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она - не будь дура, и тяпни...

Вздорный человек, ваше благородие!

- Врешь, кривой!

Не видал, так, стало быть, зачем врать?

Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом...

А ежели я вру, так пушай мировой рассудит.

У него в законе сказано...

Нынче все равны...

У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

- Не рассуждать!

- Нет, это не генеральская... - глубокомысленно замечает городской.

- У генерала таких нет.

У него все больше лягавые...

- Ты это верно знаешь?

- Верно, ваше благородие...

- Я и сам знаю.

У генерала собаки дорогие, породистые, а эта - черт знает что!

Ни шерсти, ни вида... подлость одна только...

И этакую собаку держать?!

Где же у вас ум?

Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы?

Там не посмотрели бы в закон, а моментально - не дыши!

Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй...

Нужно проучить!

Пора...

- А может быть, и генеральская... - думает вслух городской.

- На морде у ней не написано...

Намедни во дворе у него такую видели.

- Вестимо, генеральская! - говорит голос из толпы.

- Гм!..

Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто...

Что-то ветром подуло...

Знобит...

Ты отведешь ее к генералу и спросишь там.

Скажешь, что я нашел и прислал...

И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу...

Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить.

Собака- нежная тварь...

А ты, болван, опусти руку!

Нечего свой дурацкий палец выставлять!

Сам виноват!..

- Повар генеральский идет, его спросим...

Эй, Прохор!

Поди-ка, милый, сюда!

Погляди на собаку...

Ваша?

- Выдумал!

Этаких у нас отродясь не бывало!

- И спрашивать тут долго нечего, - говорит Очумелов. - Она бродячая!

Нечего тут долго разговаривать...

Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая...

Истребить, вот и все.

- Это не наша, - продолжал Прохор. - Это генералова брата, что намеренся приехал.

Наш не охотник до борзых.

Брат ихний охоч...

- Да разве братец ихний приехали?

Владимир Иваныч? - спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. - Ишь ты, господи! А я и не знал!

Погостить приехали? - В гости... - Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал!

Так это ихняя собачка?

Очень рад...

Возьми ее...

Собачонка ничего себе...

Шустрая такая...

Цап этого за палец!

Ха-ха-ха...

Ну, чего дрожишь?

Ррр... Рр...

Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада...

Толпа хохочет над Хрюкиным.

- Я еще доберусь до тебя! - грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.